

Геннадий Ростовский

Капустин Яр:

село,

город,

ПОЛИГОН

12+

Геннадий Ростовский

Капустин Яр: село, город, полигон

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ростовский Г.

Капустин Яр: село, город, полигон / Г. Ростовский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга документально-исторических очерков об истории создания и становления легендарных капустиноярских полигонов – ракетного и полигона ПВО, их первых командирах В.И. Вознюке и С.Ф. Ниловском. Написана с обширными энциклопедическими сведениями из истории края, его заселения, ярким показом природных особенностей и с хроникой напряжённой деятельности испытателей и исследователей полигонов, начиная с послевоенного времени и до наших дней.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое издание предлагаемой вашему вниманию книги было осуществлено в Волгограде в 2006 году. В 2009 году в Ленинске Волгоградской области был издан сокращённый вариант этой книги. В 2013 году книга в полном виде снова была издана в Волгограде, при этом прак-

тически все главы были существенно переработаны и дополнены. С тех пор работа над книгой продолжается ежегодно, вносятся небольшие дополнения и уточнения.

Широко использованы документы, воспоминания, рассказы ветеранов полигона и города, свидетельства очевидцев, отрывки из их книг. Первая глава очерков во многом опирается на исторические изыскания старожилов села Капустин Яр:

– Михаила Алексеевича Попова, крестьянина, как он о себе пишет, 1887 года рождения, члена КПСС с 1920 года, в 1928-1930 и в 1942-1944 годах бывшего председателем сельсовета;

– Николая Андреевича Иващенко, председателя исполкома (1987-1992г.г.), главы администрации посёлка (1992 – 1996г.г.), ветерана труда.

Выражаю сердечную признательность и благодарность всем, кто помогал в подготовке этой книги к изданию, кто делился своими воспоминаниями и материалами, чьи заметки, статьи, доклады, сценарии, зарисовки, репортажи, творческие работы, фотографии и рассказы использованы при написании и оформлении этих очерков.

Особые слова благодарности:

– редакции газеты «Орбита», Н. В. Иконникову, А. Г. Гриню, Ю. П. Толкачёву, В. Н. Васильеву, М.Л. Бородулину, И.В. Яшкичеву, Н. А. Бородовицыной, И. И. Зинову, В.Н. Маслову, В. Г. Смирнову, О. А. Молдавец, Т.В. Леухиной.

На этих страницах вы не найдёте полного и всеобъемлющего рассказа обо всём и обо всех. Такую цель я перед собой и не ставил. О ком-то сказано более подробно, о ком-то лишь упомянуто, а кого-то нет вообще. И не потому, что автор предвзято ко вторым и третьим относится. Пусть о тех, кого обошёл вниманием, напишет, может быть, кто-то другой, лучше и полнее знающий предмет разговора.

Историческая память – это основа национального самосознания, патриотического и гражданского мировоззрения. Как нет дерева без корней, так нет человека без прошлого. Не хранящие память о прошлом не могут быть уверены в дне будущем.

Чтобы не прерывалась нить, связывающая поколения, чтобы наши подрастающие дети и внуки помнили и знали славное прошлое и имели представление о дне настоящем своей «малой родины», чтобы они не росли «Иванами, не помнящими родства», автор взялся за этот труд, который выносит на суд читателя.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

ИСТОРИЯ СЕЛА КАПУСТИН ЯР

Краткие сведения о Капустином Яре можно встретить в книге выпуска 1861 года «Списки населённых мест Российской губернии».

В ней сказано, что «Капустин Яр Астраханской губернии Царёвского уезда или Капустинка расположен при реке Подстёпка в 27 верстах от уездного города. Число жителей женского пола насчитывает 3624, мужского – 3704 чел».

В Капустином Яре образца 1861 года было 1003 двора, две приходские школы, сельхозучилище, три ярмарки, по воскресеньям – базары.

Если сравнить эти данные со словарём Брокгауза и Ефрона 1895 года, то увидим, что за 34 года село изменилось. Здесь уже 1834 двора, жителей – 13311 человек. За это время построили ещё одну церковь. Наверняка речь идёт о Никольском храме, годом основания которого считается 1895-ый.

К концу 19 века в слободе Капустин Яр действуют 4 училища на 197 учащихся, 20 лавок, 121 ветряная мельница, 5 кузниц, 5 питейных заведений, одна аптека, две рыбные ватаги, один паровой маслобойный завод и три ярмарки.

В словаре сообщается, что село основано в 1805 году и населено преимущественно малороссами – так завершает историческую справку словарь.

Эти же цифры в основном подтверждены и Большой Советской Энциклопедией (первое издание; по-видимому, авторы заглядывали в словарь Брокгауза и Ефрона).

Есть ещё один официальный источник, который называется так: «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книжка для русских людей. 1901 год».

В ней говорится: «Русское поселение на развалинах Сарая возникло уже в начале 19 века, в 1805 году. А именно когда выходцы из Павловского уезда Воронежской губернии, поселённые сначала в Вольском уезде Саратовской области, перешли на Ахтубу и, зачисленные в возницы эльтонской соли, водворились на этом месте».

Ко всему перечисленному выше эта книга прибавляет сельскую лечебницу на 10 коек, почтово-телеграфное отделение.

А теперь обратимся к тем, не таким уж многочисленным, как хотелось бы, материалам об истории села, которыми мы располагаем. Эти сведения довольно отрывочны, бессистемны, взяты из устных и письменных источников. Тем не менее, живое воображение читателя позволит, надеюсь, восполнить то, что не сохранила людская память.

На развалинах Золотой орды возникло Астраханское ханство, уже в первой половине XVI века ставшее «яблоком раздора» между Турцией, Крымом и Ногайской Ордой, пытавшимися утвердиться в низовьях Волги, исходя из своих военно-стратегических и торговых целей.

В середине XVI столетия России, боровшейся против экспансии султанской Турции, предстояло обезопасить свои юго-восточные границы от сателлитов Турции – Казанского и Астраханского ханств.

В 1552 году была завоёвана Казань. В июле 1554 года направившаяся из Казани вниз по Волге тридцатитысячная армия под предводительством А. Вяземского и М. Головина подошла к Астрахани и, не встретив сопротивления, заняла город. Царским наместником был поставлен хан Дербыш-Али. Однако вскоре он сблизился с крымчанами в Астрахани, потерял доверие Москвы и предпринял попытку освободиться от подчинения русскому царю.

В августе 1556 года отряды стрельцов и казаков во главе с воеводой И.С. Черемисиновым, посланные Иваном IV, подошли к Астрахани. Хан Дербыш-Али с группой приближённых бежал. Стрельцы и казаки без боя вступили в город.

С присоединением Астрахани Россия получила выход к Хвалынскому морю, а сам город отныне превращался в важнейший форпост на юго-востоке страны.

Однако и после состоявшегося присоединения в наших краях было малоллюдно, поселения встречались крайне редко. Тем не менее, они были. И некоторые из них имеют весьма древнюю историю. Так например, поселение Солодовка нынешней Волгоградской области Ленинского района существовало уже к 1290 году (Б. Дедюхин, «Чур меня», г. Саратов, Приволжское издательство, 1982г.).

Периодически приходили и уходили кочевники – киргизы, казахи, калмыки.

С присоединением Нижнего Поволжья к Московскому государству стала увеличиваться добыча соли. К концу 17 века она велась на 14 озёрах, больше всего её вывозилось из Эльтонского, Баскунчакского, Чапчачинского месторождений.

С начала XVIII века началась колонизация Заволжья, связанная прежде всего с возрастающим значением добычи соли на озере Эльтон.

В 2000 году издательство Астраханского государственного педагогического университета осуществило выпуск весьма объёмного, в 1120 страниц, научного издания «История Астраханского края» – от первобытнообщинного строя до наших дней. Но напрасно внимательно

листал я 8-ую и 9-ую главы: «Астраханский край в первой половине XIX века», «Астраханский край во второй половине XIX века». О Капустине Яре не нашёл там ни строчки.

Впрочем, со страницы 345 повествуется о начале добычи соли на озере Эльтон. И, конечно, это имеет отношение к теме нашего повествования. О чём же говорится в этом труде? Цитирую:

«Для удешевления соляной операции и ликвидации дефицита соли российское правительство предприняло попытку по разработке озёрных солей. Первоначальное значение при этом придавалось соли озера Эльтон. Оно находилось недалеко от Волги, что позволяло доставлять соль водою во многие губернии центральной России.

Перевозка водой обходилась в 19 раз дешевле доставки гужевым транспортом. Но для увеличения вывоза следовало решить прежде всего вопрос о рабочей силе. Решение вопроса о наёмной рабочей силе, предпринимаемое неоднократно во второй половине 18 века, успеха не имело. И казна, действуя в духе времени, обратилась к принудительному труду как к надёжной испытанной мере.

Украинским переселенцам, казённым крестьянам в качестве повинности вменили в обязанность возить соль от озера к Волге. Число их постепенно увеличивалось. После крестьянской войны 1773-1775г.г. за Волгу с Украины хлынули тысячи переселенцев, все они приписывались к промыслам.

К 1810 году насчитывалось уже 15 казённых слобод, в которых числилось свыше 23 тысяч ревизских душ, из них «действительных работников» – около 12 тысяч. Выломка соли в озере, доставка её в волжские запасные магазины стала производиться исключительно трудом казённых солевозцев, которым даны были большие привилегии»...

Для возки соли были присланы возчики – украинцы (их в то время называли чумаками). Под охрану казаков было выслано около 100 семей на вечное поселение.

Казаки назначили одного из ссыльных, по фамилии Капустин, старшим. Ссыльным было приказано селиться около казаков на крутом яру Ахтубы (сравнительно недалеко от нынешней Колобовки, выше Стасова хутора километров на 13). Поселение получило название **Капустин Яр**.

Бытует мнение, что Капустин, старший из ссыльных, был атаманом у разбойников, но точных данных об этом нет. В те времена бандитизм, как говорится, имел место, особенно в районе ерика Куркин, где росли непроходимые леса. Там скиталось множество крепостных, бежавших от помещиков.

За Стасовым хутором предки нынешних капустиноярцев прожили, по утверждению М.А. Попова, **87 лет** (1718 – 1805 г.г.). Место это в настоящее время находится в Ленинском районе Волгоградской области, однако селения там сейчас нет.

Но, как представляется, вопрос о времени образования первого поселения пока остается открытым. Соответствующих документов на этот счёт в архивах ещё не обнаружено. В ревизских сказках (списках ревизских душ по населённым пунктам) Царицынского уезда за 1782 год поселение Капустин Яр или Высокий Яр, или Яр не значится (данные Р. И. Цапковой, работавшей в архивах Волгоградской и Саратовской области). В беседах со мною несколько ветеранов села называли цифры в 300 и более лет, прошедших со времени образования первого поселения. При этом некоторые ссылались на сведения, почерпнутые из ряда неофициальных источников, а некоторые обосновывали свои утверждения тем, что в их семьях 6-8 поколений предков жили именно в селении Капустин Яр.

Основными занятиями поселения были: возка соли в Дмитриевский, в просторечии Дмитриевка (так назывался до 1780 года нынешний г. Камышин), и сельское хозяйство.

Земля по причине примитивных орудий труда использовалась плохо. Природная соль Эльтона лежала под землёй, добыча её была очень тяжела. Тяжело было носить воду в гору, гонять скот на водопой.

Позже жители Капустина Яра стали искать себе лучшее место для поселения. Было выбрано место существующего сейчас села у реки Подстёпка недалеко от Ахтубы (первоначально река называлась Подстепной).

Один из ветеранов ракетного полигона, участник Великой Отечественной Войны, полковник в отставке, доктор технических наук, профессор, заслуженный изобретатель Латвийской ССР Яков Гельфандбейн в интервью говорил журналисту:

«Местные жители мне рассказывали, что Капустин Яр получил свое название, как село, где жили семьи разбойничавших на Волге “ватаг”, по имени их атамана Капустина. А вот слово “Яр” отражало то место, где эти ватаги прятались, делили и прятали добычу, и было это место тем, которое стало балкой Смыслина, названной по имени главаря одной из таких ватаг, где в кустах терновника вытекает подземный ручеек с пресной и очень вкусной водой. А конкретно это место, где был сооружён стенд для огневых испытаний ракетных двигателей».

Переселение крестьян на новое место шло постепенно, окончательно оно завершилось в **1805 году**.

Первые поселения образовали переселенцы из Воронежской губернии, Богучаровского уездов, городов Хохол и Богучар. Они заняли земли над крутым яром (район, где ныне находится фильтровальная станция Знаменска). А также пологий спуск Камышовой (Камышиной, как пишет М.А. Попов) горы по течению Подстёпки (район территории нынешнего сельского рынка, до Советского КПП). Построили деревянную церковь в честь «Святой Троицы» и школу. Эта окраина называлась Богучаровка (Хуторец). Жителей звали богучарами (бучарами) или хохлами, а по их украинскому говору – малороссами. К родителям обращались: мамка, тятко – и только на «Вы».

Переселенцы, беглые и вольные крестьяне Курской губернии Корочанского уезда, а также Московской губернии селились на восточной стороне поселения, образовав свою общину. Их окраина называлась Московщиной, а жителей звали москалями.

Их разговорный язык имел свои характерные особенности: например, произносили в конце слов словосочетание "кя" – "Ванькя", «Мотькя».

Общины не смешивались, не практиковалось вступление в брак с людьми не своей общины. Только к началу 20 века население постепенно объединилось в одно целое.

С развитием между богучарами и москалями ремёсел и торговли стала заселяться свободная от застройки болотистая центральная территория, подтапливаемая в половодье. Большинство переселенцев этой части села было из Рязанской губернии, городов Шацк и Болцаны, поэтому их землячество стали называть Шатчиной или Болцановкой. Здесь же селились переселенцы – воронежцы, тамбовцы, нижегородцы, немало было казахов и татар.

Особенно интенсивно застройка центральной части села шла в предпоследнее столетие. Но об этом расскажем попозже.

За Подстёпкой росли девственные леса, водилось немало зверей (волки, шакалы, кабаны). Немало было и любителей охоты. Между прочим, в упоминавшейся уже книге «Чур меня» Б. Дедюхин пишет о том, что в устье реки Подстепной любили в своё время охотиться золотоордынские ханы. Сын Дмитрия Донского Василий, будучи заложником в Орде, тоже ловил здесь охотничью удачу вместе со своим знаменитым наставником, участником Куликовской сечи Боброком Волинским, который нашёл тут же свою смерть при побеге княжича из Орды.

Постепенно лес хищнически вырубался на постройки и топливо.

Земли вокруг было много, но она требовала и значительных усилий для обработки. Прimitивной деревянной техникой хорошо обрабатывать её было невозможно, поэтому сорняки часто забивали посевы, они гибли и от недостатка влаги, и от суховеев. Однако в хорошие по климатическим условиям годы земля давала богатые урожаи. Сеяли же в основном пшеницу, ячмень, просо, коноплю.

(Здесь речь идёт о землях, расположенных в непосредственной близости от воды. А в следующей главе часто будет упоминаться иссушенная, полубезжизненная степь, полупустыня, встретившая первостроителей полигона. Конечно, контраст разительный, даже и в наши времена: между Волго-Ахтубинской поймой и той землёй, которую заняли военные полигоны).

Жили тогда по-чёрному в больших деревянных избах, крытых соломой, без окон, дым выходил в дверь. В избах делали большие печи из саманного кирпича с лежанками по бокам. Мылись в печах, так как бань не было. Светили лучинами, а затем стали светить каганцом, какой-нибудь черепушкой: делали фитилёк и наполняли каганец жиром, вставляли фитилёк в дырочку, зажигали его, он плавал поверх сала и освещал помещение.

Одевались в самотканую верхнюю и нижнюю одежду из льна, конопли и шерсти, почти в каждом доме был ткацкий станок. Верхняя зимняя одежда в основном была кожаной, из овчин: шубы, полушубки, тулупы (кожухи), душегрейки. Мастеров по выделке кож называли сыромятниками. Кожи крупного рогатого скота шли на лошадиные сбруи, ремни и обувь.

Жители ходили летом в основном в так называемых «поршнях» из сыромятины, черевиках (чувыках), а зимой – в валяной обуви.

Женщины и в давние времена и позже занимались вязанием на спицах и крючках. Из шерсти и козьего пуха спицами вязали варежки, шарфы, мужские кушаки, чулки, носки, крючками – скатерти, подзоры, кружева и прочие необходимые вещи.

Больниц и врачей не было. Лечили знахари, которые заговаривали воду, прикладывали мёд и т.д. Воспитание шло через семью и церковь.

К началу XIX века в Капустином Яре было три церкви:

–церковь Святителя Николая Чудотворца (Свято-Никольский храм);

–церковь Святой Троицы (1853-1937);

–церковь Покрова Святой Богородицы (1861-1942). Об этом сообщается в «Очерках истории Астраханской Епархии за 400 лет её существования», 2002г.

На фото: здание храма Покрова Святой Богородицы. Начало XX века. В 1942 году храм был разобран на кирпичи, из которых в степи построили дорогу к аэродрому, подъездные пути и переправы, а после войны из оставшегося кирпича был построен универмаг в центре села.

Церковь Святой Троицы находилась на территории сельского рынка. Никольский храм был закрыт в 1929 году, на следующий год его переоборудовали под клуб, а позже – в Дом культуры. В 1992г. храм был передан Астраханской епархии и вновь возрождён.

В те времена возле церквей обязательно строились и церковно-приходские школы. Так было и в селе. Сначала в ней учились мальчики, а спустя несколько десятилетий стали обучаться и девочки. Учителями были священнослужители.

На фотографии 1904 года – урок Закона Божьего в училище-гимназии для мальчиков.

Часто среди крестьян вспыхивали эпидемии инфекционных болезней: чума, холера, скарлатина, оспа и т.д.

Заболевших родственников зачастую бросали на произвол судьбы – чтобы сохранить жизнь остальным. На местном кладбище по приказу властей была вырыта большая яма, куда возили и сваливали трупы.

Крестьяне страдали не только от болезней, но и от волков, которые водились в округе и быстро плодились. Они уничтожали домашний скот, в пургу нападали и на людей.

Капустин Яр расположился в удобном месте для торговли. Особенно бойко она проходила на ярмарках во время разлива Волги, в половодье, когда к пристаням подходили большие пароходы, а также в плотах приходил круглый лес, который на местных лесопилках распускали в доски и брус.

Много товаров привозили с востока. Благодаря этому к 1875 году из крестьян быстро выделились купцы, которые стали богатеть из года в год. Они строили себе двухэтажные дома с магазинами внизу, каменными складами, приобретали выездных лошадей, обзаводились большим количеством наёмных работников – конюхов, дворников, приказчиков, кухарок, горничных и т.п.

Мы уже упоминали в начале главы, что особенно интенсивно застройка центральной части села шла в предпоследнее столетие. От главной пристани (улица Пристанская) торговые люди стали строить торговые дома с деревянными крышами, торговые лавки, рыбозавод, паро-

вую мельницу, маслобойки. Здесь же строились каменные здания земской управы (ныне дом детского творчества), купеческие дома. На верхней террасе села, как грибы после дождя, росли ветряные мельницы и амбары для зерна.

Купцы не только торговали, но и имели в степи за 60-70 вёрст от села земли с хорошими кормовыми угодьями. Покупали у крестьян за бесценок земельные пай сенокосов и пашни, молодняк и слабый скот, откармливали их на пастбищах земства и табунами перегоняли в близлежащие города для продажи, получая большие барыши.

На пахотных землях, используя труд бедняков, выращивали урожаи ржи, проса, пшеницы, вывозили зерно, муку в Царицын и Саратов обозами или баржами по Волге. Возвращались обратно с разнообразными товарами: от дёгтя и иголок до шёлка и духов.

Зажиточные мужики, из тех, кого впоследствии стали называть «кулаками», строили себе ветряные мельницы «аглицкого» типа с двумя и тремя поставами и большими крыльями. Таких мельниц насчитывалось около сорока. Занимались они и животноводством: разводили крупный рогатый скот, овец, свиней.

Крестьяне-середняки строили себе ветряки-крупорушки, подешевле и пониже. Они драли просо на пшено.

Беднота работала у кулаков за небольшие деньги (3-5 копеек в день) или за харчи. Многие уходили в отходничество, на рыбные промыслы.

Для сравнения: корова стоила 25 рублей, красную рыбу (осетра, белугу, севрюгу) купцы принимали по 15-20 копеек за пуд, а продавали в городах по 3 рубля и дороже. Строительство небольшого дома обходилось в 250-300 рублей.

Бедняки и батраки жили плохо, едва сводили концы с концами. Их дети бегали разутыми и раздетыми, вечно голодными. В школу не ходили, пасли скот или батрачили у богатых, мыли полы, носили воду, нянчили детей, одним словом, сами зарабатывали себе на кусок хлеба.

Некоторые бедняки относились к родившимся детям как к обузе, которую надо было кормить, обувать, одевать. Были недовольны появлением девочек, так как на них правительство пай земли не выделяло. Дети часто болели, и около половины из них умирало, не достигнув совершеннолетия.

Бедняцкие семьи заедал налог, «подушная подать». Налог брали с души, которая существует и дышит воздухом, по 7 рублей 50 копеек. Например, если семья состоит из 7 человек, надо было заплатить 52 рубля 50 копеек. А за эти деньги можно было бы купить две хорошие коровы. У большинства же бедняков ни одной коровы не было, продавать было нечего. Кроме «подушной подати» были и другие налоги, например, мирские сборы на местные нужды села (мосты и др.). Поэтому бедняку и батраку приходилось работать день и ночь, заработать у кулаков за год можно было не больше 50 рублей.

Большая часть бедняков уходила на сезонную работу к рыбопромышленникам Астрахани и Азербайджана. Мужчины – на ловлю частика и сельди, а женщины – на её уборку в тару, бочонки, солку, резку и сушку. Ежегодно на эти работы уходило не меньше 5 тысяч человек. Туда и обратно ездили за счёт рыбопромышленников. Зарабатывали за сезон (за три месяца) 30-50 рублей. Кроме того, хозяева промыслов неплохо кормили рабочих по договору: рыбой, щами, кашей с салом и мясом. Рабочие предпочитали пойти на промыслы, чем наниматься к кулаку.

К середине XIX века в центре села возникли купеческие кирпичные и деревянные дома, двухэтажные и одноэтажные, с лавками и подвальными помещениями для товаров.

Для Сельхозбанка был ранее, в начале века, построен высокий кирпичный дом, на железной крыше которого по углам были установлены высокие флюгеры (об этом здании мы ещё немного поговорим ближе к концу главы).

СВИДѢТЕЛЬСТВО

Дочь крестьянина с. Капустинъ Яра, Царевскаго у., Астраханской гуд. Дарья Филиппова Кашнева, родившаяся въ 1897г. марта 11го

успѣшно окончила курсъ въ Училищевской одноклассной церковно-приходской школѣ грамоты с. Капустинъ Яра, Царевскаго уѣзда, Астраханской

епархіи, въ чемъ и выдано ему отъ Царевскаго Уѣзднаго Отдѣленія Астраханскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта сіе свидѣтельство, съ приложеніемъ казенной печати. 1909 года, Августа 30 дня.

Предсѣдатель Отдѣленія, *Савицкий*
Савицкий

Члены *Мотинъ*
Савицкий

Дѣлопроизводитель, *Савицкий*
Мотинъ

№ Уѣздн. Отдѣл. 378.
№ Церк.-прих. шк. _____

Со временем преподавание грамоты в церковно-приходских школах было передано народным учителям, церковнослужителям был оставлен только Закон божий. Учителями в начальную школу были присланы окончившие гимназию в уездном Царёве, что находится на месте бывшей столицы Золотой Орды.

Слева: свидетельство об окончании Николаевской одноклассной церковно-приходской школы грамоты слободы Капустин Яр Царёвского уезда Астраханской епархии.

В XIX веке начали развиваться ремёсла. Появились плотники, печники, кузнецы, сапожники, портные, столяры, кровельщики. Из плотников славились Пшеничные, из печников – Яковенко, из кузнецов – Войновы, из сапожников – Валовиковы, портные – Хлыновы, Поповы, кровельщики – Тереховы, столяры – Кошеины. Лучшие мастера-ремесленники обучали молодёжь своему искусству; обучение было платным.

Село больше было похоже на слободу, то есть большое село с не крепостным населением.

Читатель может спросить: а где же крепостные? Во всей Астраханской губернии того времени (а она была не в пример нынешней весьма обширна, включая в себя Самару, Сызрань, Саратов, Царицын и пр.) насчитывалось 6 тысяч крепостных, что составляло чуть больше 2 процентов населения (см. вышеупомянутую «Историю Астраханского края»).

К концу XIX века население увеличилось до 22 тысяч, слобода стала больше походить на провинциальный городок.

Построенный в 1895 году Свято-Никольский храм был рассчитан на две тысячи человек, и всё равно верующих всегда было более чем достаточно.

В храме имелся богатый иконостас из кипарисового дерева, пол из цветной бельгийской плитки, которая не утратила своей красоты и прочности до наших дней, все иконы, паникадила и подсвечники отделили

под золото. Его украшало много золотых чаш и крестов, роскошны были парчовые одеяния священников.

Над церковью возвышался огромный величины купол и колокольня в два этажа. На верхнем этаже находилось десятка два небольших колокольчиков и один большой в 200 пудов. Звонили после обедни, в царские дни, при погребении богачей и священнослужителей.

На нижнем этаже был ещё один колокол весом в 550 пудов, который привезли в Капьяр на пароходе.

В своей повести "Дурочка" наша землячка Светлана Василенко устами одной из героинь практически полностью воспроизводит соответствующее место из труда М. А. Попова. Цитирую: "– А уж какой колокол был! – быстро-быстро заговорила молодуха. – Всем колоколам колокол! Пятьсот пятьдесят пудов весил! На пароходе везли по трём рекам: сперва по Волге-матушке, потом по Ахтубе, потом по Подстёпке. Я девчонкой была, помню, на пристани всем народом встречали его, будто царя. Он и правда как царь был. Царь-колокол. Силён был! Зазвонит – человека вот тут, на базаре, не услышать. На двадцать пять километров звон его слышали: и в праздники, и в пургу, и в буран звонил... А теперь молчит без языка... Вырвали!" (журнал "Новый мир", №11, 1998 год).

Торжественно отмечался праздник крещения. В этот день, какая бы погода ни была, всегда от церкви к реке шла большая процессия. Священник шёл впереди и с помощью двух человек нёс над головой на реку «Иордан» – золотой крест. Посреди Подстёпки стоял уже к этому времени вырубленный из льда голубой крест, вокруг которого вырубалась прорубь. В ней, даже если был сорокаградусный мороз, купались обнажённые верующие, в том числе и больные люди, чтобы получить исцеление. Однако зачастую вместо исцеления больные, приняв такую ледяную купель, позже умирали.

Троицкий храм, как мы уже писали, располагался на «Бучаровке», на месте нынешнего сельского рынка. Старожилы говорят, что это была однопрестольная деревянная церковь, размером превосходящая нынешний Георгиевский храм. Приходу принадлежала довольно большая территория: здания, где сейчас магазин «Берёзка». Здесь были сторожка, церковно-приходская школа, в которую бегали сельские мальчишки и девчонки, и даже своё небольшое кладбище, где хоронили священнослужителей – возле нынешнего колбасного магазина. Храм закрыли после 1937 года, а разрушили примерно через год. Деревянные стены в большинстве своём пошли на топку.

Н.А. Ивашиненко вспоминает:

«Меня крестили в августе-сентябре 1937 года, а в ноябре-декабре были арестованы о. Генерозов и Сироткин. Церковь закрыли и за зиму 1937 – лето 1938 г.г. разграбили и сломали до основания. В детстве я видел полотнища с ликами святых в кухнях и домах своих родственников и знакомых, когда приходил пацаном славить Христа. Было это в начале 40-ых годов и в послевоенное время».

Истории создания Покровской, Никольской и Троицкой церквей утрачены. К тому же в конце XX века пожаром был уничтожен Капустиноярский сельский архив.

В 1897 году село постигла большая беда: сильнейший пожар, в результате которого погибли люди и скот, а почти половина домов (2500) сгорела.

В тот день взрослые были в степи на полевых работах, на пахоте. В селе оставались старики со старухами да младенцы. Воды для тушения пожара было достаточно, около ста колодцев, рядом река Подстёпка и озеро. Но некому было таскать эту воду. К тому же дул сильный ветер, дым и пламя бросало на десятки метров вперёд, соломенные крыши воспламенялись мгновенно. В каждом дворе хранилось сено, дрова, другой горючий материал.

Старухи молились Богу, выносили на улицу иконы, но это не помогло.

Перед первой мировой войной в Капьяре на 22 тысячи жителей было около 20 процентов «кулаков». Жили они богато, в среднем у каждого было до 150 голов крупного рогатого скота, 2-3 тысячи овец и коз, много свиней, лошадей, верблюдов, птицы. Несмотря на богатство, отличались они прижимистостью, скупостью, безжалостно эксплуатировали бедноту.

Фотографии жителей села начала XX века.

*На фото слева -
Василий Крячков с женой Евдокией и её сестрой.
На фото справа – крайний справа – Василий Матвеевич Rogozin.*

1914 г. Вторая справа – Дарья Филипповна Камнева (Сусина).

После начала войны России с Германией из села на десяти подводах по 5 человек увезли рекрутов в сторону Царёва.

До **февральской революции** в Капьяре были организации двух партий – монархистов (около двух десятков членов) и эсеров (более ста членов), организации большевиков не существовало – лишь революционно настроенные одиночки.

Через село часто проходили революционеры, осуждённые на ссылку или высылку. Их ставили к гражданам на сутки – двое переждать непогоду, особенно зимой и осенью. От них сельчане слышали, что царя скоро не будет, что управлять всеми делами в государстве будет сам народ. Но крестьяне в такую возможность в большинстве своём практически не верили.

В **1905** году эсеры организовали «Общество хлеборобов», построили на паях ссудный Сельскохозяйственный банк (здание «рогатой» школы). Пай определили в 25 рублей. В общество первоначально вступили около тысячи человек. Паёв каждый мог иметь сколько пожелает. Поэтому и прибыли больше получал тот, кто имел больше паёв. Покупали сельскохозяйственные машины и продавали их с наценками.

В **феврале 1917 года** весть о свержении царя быстро разнеслась по селу. Несмотря на холодный день, вся площадь заполнилась народом. Состоялся митинг, который открыл эсер П.С. Ткачёв, рассказавший о событиях в Петербурге, о свержении царя. Неподалёку находился памятник царю Александру – «освободителю». Ткачёв надел на него лошадиный хомут под одобрительный смех многих присутствовавших. Затем он же приказал свалить памятник, что и было исполнено без всяких возражений.

На этом митинге был избран первый Совет депутатов, который поддержал Временное правительство (вести войну до победы, в отношении земли ждать решения Учредительного Собрания).

После **Октябрьской революции** на места отправились представители большевиков организовывать Советскую власть. В Царёвский уезд был послан участник II Съезда Советов Куличенко Ф. И.. В Капьяре ему пришлось столкнуться с большим сопротивлением монархистов, эсеров, меньшевиков, либералов и им сочувствующих. Много пришлось работать с активом, чтобы склонить на свою сторону крестьян – середняков и бедняков, так как большинство из них состояло в Обществе хлеборобов.

Два с половиной месяца шла ожесточённая борьба за массы, которая иногда доходила до кулачных схваток.

Днём установления Советской власти в Капустине Яре считается **15 января 1918 года**, когда был избран Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в количестве 100 человек.

Кроме этого, был создан ревком, которому была предоставлена, по сути, неограниченная власть.

К этому времени сложился актив: коммунисты, рабочком, комитет деревенской бедноты и другие, всего до 3000 человек. Вся деревенская беднота и маломощные середняки, бойцы созданных отрядов активно выполняли решения Советской власти, богачей заставляли выполнять эти решения силой.

Был утверждён состав милиции (50-70 человек), организованы отряды пеших красногвардейцев (200 человек), конных партизан (70 человек). Днём бойцы работали в учреждениях и организациях, а ночью с оружием в руках охраняли спокойствие людей: дежурили в штабе, патрулировали улицы села. А конные партизаны выезжали в разведку по хуторам, привозили сведения о действиях бандитов и настроениях крестьянства.

Конный отряд регулярно отправлялся в степь громить банды.

В 1918 году Советское правительство издало декрет о продовольственном налоге. Для его реализации в селе была организована чрезвычайная комиссия из 15 человек, которая весьма успешно выполняла спущенную сверху директиву.

Местным богачам было предписано поначалу внести в кассу волостного исполкома по 20-30 тысяч рублей. Что ими скрепя сердце и было сделано. Потом ЧК стала считать дополнительные проценты, и получилось, что многим необходимо было внести ещё примерно столько же денег. У тех, кто не в состоянии был это сделать, в доход государства стали изымать имущество, передавая его коммунхозу. Дома передавались учреждениям и организациям. Мануфактуру, скот, прочую утварь распределяли бедноте с учётом нуждаемости. Бедняки были, разумеется, довольны подарками Советской власти, чего не скажешь про тех, у кого отбирали своё, кровное, нажитое «непосильным» или посильным трудом.

1918 год был самым бурным в Астраханской губернии и в её уездах по накалу классовых боёв. Конфискация имущества у зажиточных крестьян, у купцов не прошла безоблачно. В степи стали образовываться вооружённые до зубов антисоветски настроенные отряды, банды. Они имели лошадей, тачанки, пулемёты, гранаты и другое оружие. Убивали коммунистов, комсомольцев, активистов из бедноты. В Капьяре в разное время было убито 23 активиста.

Среди множества задач первостепенной важности, стоявших тогда перед молодой властью, была и задача переброски поступающего из Сибири хлеба в распоряжение Центра – для Красной Армии, рабочих, служащих и детских учреждений Москвы.

Этот хлеб со станции Ахтуба – Владимировка до Царицына надо было перебрасывать гужевым транспортом, так как железнодорожные пути на Москву были перерезаны белыми. Тракт Царицын – Владимировка был единственным путём подвоза продовольствия и оружия.

Бедняки и середняки активно включились в подвозку хлеба. Кулаки сопротивлялись, всячески пытались сорвать это мероприятие. Но большевики заставили их возить продовольствие и оружие силой. Было мобилизовано около 5 тысяч подвод. Они двигались по тракту туда и обратно в два ряда. В Царицыне всё грузили в вагоны и отправляли в Москву. Организацией этого дела занимался лично В. И. Ленин. По приказу Ленина работу возчиков оплачивали.

15 июля 1919 года Капьяр захватили белые казаки. Как только они вошли в село, стали звонить церковные колокола. Начались торжественные молебны о победе над красными. Казаки рассыпались по селу, начали грабить. Пока отслужили молебны, в сундуках у крестьян мало чего осталось. Главный штаб белых (генерала Мамонтова) разместился в здании бывшей гимназии трёхлетнего образования. Там же разместились множество офицеров и обоз, который ежедневно привозил со степи 10-15 фургонов овец, отнятых у единоличников, забирались также жирные коровы, свиньи и птица. Каждую ночь в школе проходили пьянки, красивых девушек и женщин, вызванных через кулаков готовить пищу для офицеров, насиловали. По ночам слышались душераздирающие крики о помощи. Сочувствующих Советской власти беспощадно пороли плетью и шомполами. Проводились расстрелы, каждую ночь убивали, постоянно два-три трупа лежали на улицах. Творилось это до 1 августа 1919 года, пока казаков выгнали за Волгу.

После объявления **новой экономической политики** крестьяне, особенно середняки, зажили хорошо, поэтому лучше стало и их отношение к Советской власти.

НЭП на первых порах улучшила жизнь многих, но больше всего выгадали всякого рода спекулянты и мелкие заводчики. Они понастроили на площади ларьков, торговали, конкурируя с кооперацией. И поначалу им это удавалось, так как они доставали такие товары, которых в кооперации никогда не было. Но постепенно к 1928 году частная торговля начала хиреть и исчезать и вскоре почти полностью исчезла, не выдержав конкуренции с государством, которое к тому же обложило частников непосильными налогами.

В годы НЭПа в Капустине Яре проводились ярмарки, особенно большими они были после окончания полевых и сенокосных работ.

На ярмарки приезжали крестьяне и частные торговцы из других сёл, а иногда приезжал небольшой передвижной цирк со своим балаганом, где выступали клоуны, фокусники и другие артисты.

В 1926 году в СССР проходила перепись населения. Согласно этой переписи в селе с учётом близлежащих хуторов проживало свыше 26 тысяч человек.

Для проведения культурно-массовых мероприятий на селе не было подходящих помещений. Решено было Свято-Никольский храм занять под клуб. Что и было сделано осенью 1929 года после многочисленных собраний, сходов граждан и решений местной власти.

Позже в ответ на просьбу верующих построить им церковь райисполком разрешил им взять пустовавшее здание церкви села Солянка, которое они перевезли, установили и ходили туда молиться (ныне это Свято-Георгиевский храм). Перевозить храм начали в 1946 году, 30 ноября был сделан последний рейс. А в 1947 году началось восстановление храма на новом месте. И 6 мая 1948 года, на праздник Георгия Победоносца, прошла первая Божественная Литургия.

Подготовка к коллективизации в селе началась с **1929 года** на основании правительственного документа о прогрессивном индустриальном налоге и хлебозаготовках.

Была создана комиссия опять же из 15 человек (как и ЧК), которую возглавили председатель сельсовета и представитель райкома партии. Кулацким хозяйствам пришлось платить от двух до восьми тысяч рублей. Но этим не обошлось. Комиссия наметила к раскулачиванию 150 хозяйств. В каждом таком хозяйстве было по 200-300 голов крупного рогатого скота, по 2-3 тысячи овец и коз, по 100-150 свиней, по 50 лошадей, 20-25 верблюдов и много птицы.

Не всех кулаков по имеющейся инструкции можно было раскулачивать. Не трогали тех, у которых дети служили в Красной армии, работали учителями, врачами и т.д.

Кулаки, естественно, начали оказывать серьёзное сопротивление. Уполномоченных встречали с руганью, не пускали во двор, вооружившись вилами и топорами. Уничтожали скот, зарывали хлеб в землю, чтобы не сдавать государству. Готовили обрезы, двух активистов-комсомольцев убили.

Ежедневно в шести пунктах села коммунисты-пропагандисты агитировали за вступление в колхоз. Добровольно шли в него бедняки и маломощные середняки. На собраниях, проходивших чуть ли не ежедневно, былолюдно, шли ожесточённые прения, выступали в основном одни и те же ораторы. Шли дни и недели, а число колхозников почти не увеличивалось. Группа зажиточных сельчан в составе 30 человек написала в это время коллективное письмо в ЦК ВКП (б) о том, что они не согласны с раскулачиванием и сплошной коллективизацией, что их

насиленно загоняют в колхоз и отнимают последний оставшийся хлеб. Однако последствия для авторов письма оказались плачевными: вскоре все они были арестованы органами ОГПУ. А затем из Москвы прибыла комиссия, выездная сессия Верховного Суда. Она на месте изучила, как Капустиноярский Совет проводил коллективизацию: насиленно ли записывали в колхоз, отбирали ли последний хлеб и т. д. Детально проверили все факты, допросили много свидетелей. По мнению комиссии, изложенные в письме факты своего подтверждения не нашли.

Выездная сессия Верховного Суда на своём судебном заседании в Астрахани, рассмотрев это дело, постановила: за ложные, вымышленные показания группу контрреволюционеров, авторов письма, расстрелять. Но не всех. Было расстреляно шесть человек, остальных выслали сроком на 10-15 лет в Архангельскую губернию.

Дальше дело с коллективизацией пошло веселее. К 15 марта 1930 года было раскулачено около 120 дворов, к началу **1932 года** коллективизация была в основном завершена. В колхозе к этому времени числилось 4600 дворов. Единоличников оставалось человек 70-80, да и те пытались между собой кооперироваться, по крайней мере, на период вспашки земли.

Люди работали за «палочки» – трудодни, которые практически мало что значили, так как на них ничего сначала не давали. Многие колхозники только числились в колхозе, но работать в нём не хотели. Бригадир в поте лица бегали по домам, собирая народ на работу. Единственным козырем в их руках был транспорт. В случае нужды в нём сельчане шли к бригадирам, поскольку транспорт находился в их ведении. За его предоставление для личных нужд и отработывали многие на колхозных полях.

В **1930** году для ремонта и обслуживания автотракторной техники и инвентаря (плуги, сеялки, бороны и пр.) была создана машинно-тракторная станция (МТС). Её разместили в здании паровой мельницы, экспроприированной у промышленника Орлова В.Т., занимавшегося до революции 1917 года мануфактурой. Его дом по улице Советской, 123 ныне принадлежит местной полиции. А бывший двухэтажный кирпичный дом купца Смолякова И.Я. в центре села (угол улиц Ленина и Советской) использовали под поссовет.

В МТС были кузнечный, токарный и слесарный (ремонтный) цеха.

Неурожайные **1930-1931** годы, последовавший за этим «Господин голод» тяжелее всех переносили дети. Школы опустели. А тем, кто продолжал учиться, зимой давали в день по 150 граммов хлеба и стакан чая. А летом – половник пшённой каши. Кашу раздавали после уроков в столовой бесплатно.

Весной 1931 года сельчане встречали первый трактор «Фордзон», который пришёл из Владимировки.

В **1933** году в ближней округе вокруг Капьяра было **7 колхозов**: имени Кирова, имени Шевченко, имени 7 Съезда Советов, имени Крупской, имени 20-летия Октября, "Путь Ленина", был также рыболовецкий колхоз "Красное Знамя", в его составе насчитывалось 10 бригад рыбаков.

Работали колхозники, как уже говорилось, за трудодни. Постепенно на них стали кое-что и начислять, а не просто палочки на бумаге рисовать. На каждый трудовой день в конце года начислялось определённое количество продуктов, зерно, овощи, фураж. Вместо денег давали облигации (ценные бумаги) государственных займов у населения. Позже, в 60-70 годы 20 века, эти облигации погашались, но не все до этого доживали. Да и деньги после хрущёвской реформы 1961 года были уже не те, значительно растеряв свою силу.

Экономика мелких, раздробленных колхозов была слабой. Часть колхозников в 1935 году подались в Сталинград для работы на Тракторострое.

Уроженка села Таисия Ивановна Балдина вспоминала: «В селе Капустин Яр было «Заготзерно». Заведующей была Кучеренко Е.Л.. Муж её был на фронте. Работала я в «Заготзерне» с 13 лет. Моя старшая сестра была няней у 4 детей Кучеренко, по просьбе сестры меня и взяли на работу. Контора находилась на углу Лебединской, где «пожарка».

Зерном пшеницы, ячменём были засыпаны 2 склада, «пожарка», промтоварный магазин. На восточном краю села было 2 школы, они тоже использовались под хранение зерна. И церковь рядом с ними. Её потом разломали. И на старый вокзал зерно возили.

Заведующая мне доверяла, я работала как лаборантка. Поначалу учила она меня всяким премудростям. Говорила: «Тая, смотри, сунь руку в ящик – если зерно тёплое – не принимай, оно может загореться, а нас расстреляют». Зерно привозили из 6 колхозов. Во время весеннего разлива к горе подходили баржи, пароходы, нынешняя низинная часть села полностью затапливалась во время половодья. В это время многие сельчане, особенно жившие в низинной части села, в Шатчине, выезжали в степь, в займище, на хутора. А когда разлив кончался – возвращались».

Вплоть до 1935 года производство в колхозах не налаживалось должным образом. Но затем урожай стали улучшаться, жизнь колхозников стала меняться к лучшему, однако дальнейшему росту качества жизни помешала **война**.

Мобилизация была объявлена 23 июня 1941 года сразу нескольких возрастных групп. До конца года было призвано около 2,5 тысяч мужчин, а всего за годы войны – более 5 тысяч.

Провожали мобилизованных с надеждой на скорое возвращение, но ожидание затянулось на долгие годы.

Первые трудности – уборка урожая 1941 года. Со степных лиманов уходили ночью с зерном обозы лошадей, быков и верблюдов во Владимировку. Погонщиками были старики, женщины, подростки.

События военного времени выдвигали одну задачу за другой. Необходимо было в кратчайший срок силами гражданского населения отсыпать земляной вал под железнодорожное полотно от села Солянка до села Колобовка длиной в 32 километра. Это был участок пути Владимировка – Паромная – Сталинград. Из сёл Владимировка, Покровка, Пологое Займище, Солянка, Капустин Яр и хутора Стасов ежедневно выходило на отсыпку вала около 8 тысяч человек, в подавляющем большинстве – женщины и школьники, которые трудились вместе с учителями. Врачи и медсёстры круглосуточно дежурили в медпунктах по всей линии стройки. По сёлам было мобилизовано много конно-воловоых подвод, автомашин и несколько тракторов. В очень тяжёлых условиях осени и зимы люди работали по 10-12 часов и закончили строительство досрочно.

Начав работу 20 сентября 1941 года, капустиноярцы приняли первый паровоз уже 20 ноября, а с 27 декабря 1941 года потоком пошли гружёные эшелоны с боеприпасами, военной техникой и продовольствием. Участок железной дороги Владимировка – Сталинград, названный строителями "женским", сыграл огромную роль в разгроме фашистских войск под Сталинградом.

В зиму 1942 года в село стали поступать эвакуированные из Западной Украины и Белоруссии. Необходимо было расквартировать около 5 тысяч семей. В каждый дом помещали до трёх семей. В 1943 году принимали эвакуированных ленинградцев, около двух тысяч, истощённых, больных...

Через село в Казахстан прошли из западных областей или, как тогда говорили, из-за Волги, тысячные стада крупного рогатого скота, лошадей, овец, свиней. Работа по их переправе через Волгу и Ахтубу, обеспечение сеном и фуражом – всё это было делом трудным и небезопасным.

Несмотря на то, что Капустин Яр был не в прифронтовой черте, но и ему пришлось пережить бомбёжку. Более 150 бомб разного калибра было сброшено гитлеровцами, погибло больше 70 человек, в том числе 10 женщин.

Уже в начале 1942 года фашисты ежедневно, с присущей им пунктуальностью, в 10 часов утра, 3 часа дня и 11 часов вечера, минута в минуту, прилетали бомбить железнодорожную станцию Капустин Яр, Баскунчак, Владимировку, Петропавловку, Ахтубу, Солянку, хутора и скопления скота.

Летом 1942 года жителей села мобилизовали на строительство аэродромов в районе хуторов Кулацкий и Безбатченков. Необходимо было вручную сровнять огромную площадь и построить глинобитные капониры для укрытия самолётов. Рабочие руки те же – женщины и подростки. Аэродромы были подготовлены в срок.

Сталинградский и Донской фронты приблизили линию фронта, и село стало, по сути, прифронтовым. В здании бывшей редакции газеты "За урожай", что на площади Победы, был в том же 1942 году развёрнут узел связи двух фронтов. Ныне на этом здании установлена памятная плита.

В короткое время лета 1942 года все здания села были подготовлены под эвакогоспитали раненых. Они разместились в клубе, универмаге, «рогатой» школе, на хуторах Токарев, Стасов и Закиски. За ранеными бойцами ухаживали и врачи, и сельчане. Передислокация некоторых эвакогоспиталей началась весной 1943 года.

Как дань глубочайшей благодарности людям, отдавшим свою жизнь во имя будущей Победы, капустиноярцы начали устанавливать обелиски с осени 1942 года на хуторах Токареве и Стасове – на местах захоронения умерших от ран в полевых эвакогоспиталях бойцов Сталинградского и Донского фронтов и экипажа сбитого нашего самолёта.

Из воспоминаний Зинаиды Николаевны Сусиной: «В сентябре 1942 года многие здания, в том числе и школы, были подготовлены к приёму раненых. В селе было несколько эвакуационных госпиталей. Раненых было много, они заполняли не только подготовленные для них комнаты-палаты, но и коридоры.

Мы, дети, приходили в госпиталь, помогали медперсоналу. Помню, что меня никто не посылал, я сама стремилась, чем могла, помочь тем, кто пережил ужас обстрелов и бомбёжек, защищая Родину. Раненые меня встречали всегда с доброй улыбкой. Я была маленькая, худенькая. Солдаты, перебинтованные, многие без ног, подзывали меня поближе, гладили по голове и говорили: «Дома у меня осталась такая же дочка...»

Я не боялась ни ран, ни крови. Перевязывала, собирала бинты, несла их домой, чтобы постирать. А мыла-то не было. И мама кипятила золу в воде, получался щёлок, в нём мы и стирали бинты».

К февралю 1943 года немцы были окончательно разгромлены под Сталинградом, многие попали в плен. Военнопленных размещали временно по сёлам Заволжья. Капустин Яр тогда принял 1700 человек. М. Попов пишет, что были немцы отошавшие и ослабевшие. По его словам, на пути от Сталинграда до Капьяра их умерло не менее 100 человек, так как на каждом километре лежали один-два трупа.

Самым крупным был лагерь пленных немцев-австрийцев 6-ой армии фельдмаршала Паулюса, который размещался за хутором Горбанёв и частично на территории МТС в кирпичном здании мельницы, там же был госпиталь. Лагерь военнопленных румын находился на юго-востоке от села в хуторе Закиски над Ахтубой. Там же был развёрнут полевой госпиталь. Кормили военнопленных хорошо, лечили их немецкие же врачи.

Из воспоминаний Сурковой (Пшеничной) Алевтины Андреевны: «Летом 1942 года в селе Капустин Яр были развернуты несколько эвакуационных госпиталей – в здании основной школы, в начальной школе, в Никольском храме, в здании почты, Госбанка. Мальчики постарше должны были каждый день носить дрова по отделениям, топить печки. Девочки забирала домой окровавленные бинты, стирали их, гладили и снова приносили в госпиталь. Каждую неделю вместе с учителями ребята готовили для раненых концерты: ставили спектакли, пели песни, читали стихи. Часто приходилось писать письма под диктовку солдат.

В одной палате лежал молоденький казах. Он очень просил написать за него письмо, так как руки были обожжены по локоть. Он сказал, что в их селе почтальон умеет читать по-русски и все расскажет родным.

Осенью 1942 года в селе появились немецкие пленные. Им оказывали первую медицинскую помощь и отправляли на работу в МТС, на строительство железной дороги. Санитарный пост находился по улице Ленина, прямо напротив нашего дома. Пленные были такие измученные, и часто женщины-соседки приносили им кто что мог. Это была еда и что-нибудь из одежды. Вы не думайте, что мы поддерживали врага. Нет, наши женщины по-человечески жалели людей. Их много умирало здесь. Наверное, где-то же на кладбище есть и их захоронение».

А вот что вспоминает Зоя Михайловна Дементьева (Соловьёва):

«Осенью 1942 года, с началом ожесточенных боев под Сталинградом, на берегу Ахтубы (в районе понтонного моста) развернулся эвакуационный госпиталь. Были вырыты землянки, установлена передвижная электростанция. Из Сталинграда раненых доставляли на баржах. К госпиталю были прикреплены три подводы. На них доставляли тяжелораненых в Капустин Яр. Легкораненым оказывали первую помощь и на одной телеге отправляли в село Житкур, в стационарный госпиталь. Если раненые не помещались на подводе, то вынуждены были идти пешком за ней. По пути подвода заходила на хутора Гусаров, Бреусов и другие. Жители должны были накормить раненых и устроить на ночлег.

С началом войны мне учиться уже не пришлось. Первый год до самых морозов убирали хлеб, ссыпали его в пустующие землянки и каждый день его перелопачивали, чтобы он не «загорелся». Зимой прибыли беженцы с Украины и несколько дней прожили у нас. Они были такие измученные, грязные. Мама натопила печку в соседней землянке, нагрела воды, натаскала туда соломы на пол и пустила их искупаться. Они были так рады! На следующий день предложили свою помощь перелопачивать зерно. Ведь уставшие были, а все равно стали помогать. Через несколько дней они отправились дальше, в Астрахань.

Зима 1942 – 43 года была жутко холодная. С ноября к нам стали прибывать раненые. Мы с мамой кормили их, стирали и проглаживали бинты. Потом они уходили дальше. Их было очень много, иногда они спали, сидя на полу. Часто просили прогладить гимнастерки горячим утюгом, чтобы прожарить вшей по швам. Голодно было очень, есть хотелось постоянно. Весной стали ходить на Подстепку, копали «свиное масло» (вид камыша). Если его хорошо помыть, почистить и немного обжарить на сковороде, то по вкусу похоже на орех, очень маслянистый. К весне раненых стало меньше, потом уже и госпиталь эвакуировали. Мы переехали в село. Здесь впервые увидела пленных немцев. Они ремонтировали железную дорогу, копали колодцы по селу, построили электроподстанцию. Свет давали до 12 часов ночи, потом отключали. В колхозе на трудодни стали больше зерна давать, жить стало немного легче».

С мая 1943 года военнопленных начали отправлять из села по команде властей. Упомянутая выше Т.И. Балдина утверждает, что пленных немцев гнали за Подстепку через мост, там их и расстреливали. А потом волки трупы съедали. Долго кости лежали, пока землю не перепахали. ... Впрочем, к последнему утверждению надо относиться с некоторой осторожностью. Возможно, это лишь народная легенда.

Мы уже писали, что за годы Великой Отечественной войны из села на фронт было призвано более 5 тысяч человек. Из них погиб каждый третий.

Ныне в селе на площади Победы на мраморных плитах мемориала Памяти увековечены имена 1953 капустиноярцев, погибших и пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны.

Под обелиском «Поклонный Крест», что на сельском кладбище, 105 фамилий бойцов Красной Армии, сражавшихся с фашистами в составе Сталинградского и Донского фронтов и умерших от ран в госпиталях Капустина Яра.

В июне 1944 года был организован Капустиноярский район, который просуществовал 12 лет, до 1956 года, а затем был слит со Владимировским.

А **после войны** для села началась новая история, неразрывно связанная с рождением и работой ракетного полигона.

Весна 1947 года, половодье. К невысокому берегу реки Подстёпки чуть выше основной пристани, где становились пароходы, причалил баркас с баржой, груженной всякими ящиками и разной военной амуницией. Были военные и люди в штатском.

Серьёзность намерений военных и предстоящих перемен в жизни сельчане почувствовали с принятием Решения об изменении границ села и переселении около 200 семей района Богучаровки (застройки от геодезической вышки дачного кооператива «Строитель» до существующей западной границы) на свободные для застройки участки.

Пособия в 5 тысяч рублей на семью для переселения были в те времена ощутимой поддержкой государства. Многие семьи смогли переселиться из кухонь-мазанок в деревянные дома. Не без помощи военных переселение к 1949 году было закончено.

Впрочем, денежные компенсации давали только тем, у кого было собственное жильё на предполагаемой территории полигона. Остальным, проживавшим в колхозных землянках, как говорится, давали вольную волю, разве что от колхоза корову.

Трудное голодное время переживало население села, и приезд воинских частей вселял уверенность в завтрашнем дне. Многие наиболее грамотные, молодые и сильные жители получили рабочие места в сфере обеспечения, обслуживания, в тыловом хозяйстве, оформились на сверхсрочную службу.

В то же время нередко случались стычки и взаимные мордобития между сельской и городской военной молодёжью, так как сельские девчата стали отдавать явное предпочтение холостым офицерам.

Вот как описывает один из ветеранов ракетного полигона свою первую встречу с селом в то послевоенное время:

«В центре, в небольшом скверике, возвышалась церковь, переделанная в клуб. Вокруг неё располагалось несколько одно- и двухэтажных кирпичных домов: почта, магазин, чайная, райисполком, райком и другие присутственные места. Остальные строения оказались деревянными и в большинстве полутрехэтажными. Низ отводился под хозяйственные нужды, верх – жилой. Глинобитных хижин не было.

Освоившись, я узнал, что Капустин Яр в прежние времена считался в округе большим селом с населением более 20 000 человек. Почти каждая семья, кроме дома в селе, владела хутором в «степу», где проживала с ранней весны и до поздней осени, занимаясь хлебопашеством, выпасом скота, разводила сады, огороды и бахчи. Богатейшие заливные луга обеспечивали крестьян сеном не только для себя, но и на продажу (Кстати, М. А. Попов в своём труде приводит список хуторов в степи и в займище, которые существовали до революции: в степи 120 и в займище 50 хуторов, от двух-трёх до 120 дворов. Прим. автора).

Хиреть село начало в империалистическую, когда большинство мужского населения призывали в армию. Гражданская, прокатившись по Поволжью, ещё больше расшатала экономику – оскудела торговля, прекратили существование лесная, хлебная и рыбная пристани, захирели хутора в степи, уменьшилось количество скота, особенно лошадей. Раскулачивание, организация колхозов и, наконец, Великая Отечественная война совсем подорвали благосостояние уцелевших людей. Степь распахали тракторами от края и до края, а собирали хлеба меньше, чем сеяли... Мельницы оказались без дела, скот – без корма, люди – без денег, дома покосились, жизнь оскудела, и жители всеми силами старались вырваться в город.

Нерадостную картину застали мы в прежде богатейшем селе. Многие дома стояли заколоченными. По существу, прибытие в Капустин Яр большого количества офицеров явилось спасением для села, способом поправить материальное положение жителей за счёт приезжих. К сожалению, они это не сразу поняли». (Ю. Бабин. Очерк «Ракетный полигон» (журнал «Звезда», №7, 1994 год).

Военные, что приехали в село в 1947 году, вспоминали, как по осени та же Советская превращалась в широкую, похожую на противотанковый ров, канаву, заполненную жидкой грязью. Даже могучие «студебеккеры» иногда пасовали перед ней. Пешеходы передвигались вдоль Советской

след в след, вплотную прижимаясь к домам и заборам (впрочем, и поныне, в 21 веке, эта картинка характерна для многих сельских осенне-весенних улиц). Крылатая поговорка, сочинённая в те времена неизвестным остроловом, гласила:

–У нас в Капьяре, как в Париже: только крыши пониже да асфальт поуже!

Рисунок А. Артюшенко, село Капустин Яр.

Имя Василия Ивановича Вознюка стало легендарным для жителей села, оно особенно дорого и памятно тем, кому с ним пришлось работать.

В. И. Вознюк долгие годы оставался бессменным членом Капустиноярского райкома ВКП(б). Прекрасно знал обстановку и проблемы колхозов и совхозов, нужды и потребности селян и оказывал всестороннюю помощь. Многие войсковые части имели подшефные овощеводческие бригады и фермы, на уборочные работы безотказно выделялась рабочая сила и техника. Выступления военных концертных бригад и лекторов политотдела в трудовых коллективах были всегда желанными и имели огромный успех.

С лета 1946 года были начаты работы по отсыпке земляного оградительного вала длиной в 16 км и шириной от 5 до 10 метров. Работы завершились в 1950 году, и укрупнённые колхозы «Борьба за мир» и имени Ленина получили сотни гектаров плодородных пахотных земель, сельхозугодий.

В марте 1959 года колхозы, созданные в 1933 году, претерпевшие за этот период ряд реформирований и переименований, объединённые в единый колхоз «Борьба за мир», а также

Капустиноярская РТС, были реорганизованы в совхоз "Капустиноярский". Через месяц был избран рабочий комитет профсоюза совхоза.

Создание государственного сельхозпредприятия и профсоюза имели, безусловно, огромное значение, стали переворотом в социальном положении многих и многих сельчан. Вместе с всеобщей паспортизацией и постоянной заработной платой в рублях пришли новые взаимоотношения, закреплённые в коллективном трудовом договоре, с взаимными обязательствами между дирекцией и работниками. А трудовая книжка становилась главным документом, гарантируя на старости лет рабочему совхоза пенсионное обеспечение наравне с рабочими завода. Количество рабочих совхоза за первые два года выросло с 1284 до 1500 человек.

Производственная база включала: 39 тысяч га сельхозугодий, в том числе 2300 га богарной пашни, 7 молочно-товарных ферм, 5 овцеводческих ферм, по одной свиноферме и птицеферме, 3 рыболовецких бригады, рыбозавод и молокозавод, 140 тракторов, 52 грузовика и многое другое. Крупного рогатого скота насчитывалось 6000 голов, в том числе коров – 1300, овец было 12 тысяч, а также 180 лошадей и 60 верблюдов.

В Ахтубинском (бывшем Владимировском) районе совхоз поставлял пятую часть мясомолочной и четвертую часть овощной продукции районного плана поставок государству.

К сожалению, из-за этих самых реорганизаций и укрупнений часть колхозников впоследствии так и не смогли получить свои жалкие пенсии в 14-16 рублей, оказались утерянными архивы. А до дня принятия соответствующего закона о назначении пенсий в подобных случаях, когда требуются показания двух свидетелей, многие уже и не дожили...

Образование совхоза, ликвидация всех колхозов, создание и развитие учреждений социально-культурной сферы стали основными причинами переименования села в посёлок городского типа. Это случилось в октябре **1959 года**.

Приведём красочный отрывок из воспоминаний Н. В. Иконникова, ветерана полигона «Капустин Яр», в котором речь идёт о начале 50-ых годов и более поздних временах:

«...сельский рынок Капустина Яра – одно из первых сильных впечатлений, полученных на новом месте жительства...

На базар, начиная с мая вплоть до ноября, ходили каждую неделю. Бывало, к субботе добавлялся поход и в воскресенье.

Н. В. Гоголь, начиная свою литературную деятельность, заявил о себе, как великий писатель, «Сорочинской ярмаркой». Помните: «Господи, Боже мой, чего нет на той ярмарке! Колёса, стекло, дёготь, табак, ремень, лук, торговцы всякие... так, что если бы в кармане было хоть тридцать рублей, то и тогда бы не закупил всей ярмарки».

Осенью капьярский базар представлял красочное зрелище.

По краям базара стояли многочисленные палатки, в которых шла бойкая торговля хозяйственными товарами, бакалейными и гастрономическими продуктами. Конечно, весь товар был бесхитростным, простым и добротным, а продукты – доброкачественными. Правда, всё это было без упаковки, в том числе блестящей и привлекательной, в которую теперь заворачивают всякую дрянь. Тогда всё отпускалось в тару покупателя.

На рынке стоял знаменитый и всем известный «чепок», в котором можно было купить бутылку водки или вина (правда, не всегда). Особо доверенные офицеры и старшины, одетые в штатское, заходили за занавеску, а спустя несколько минут снова, откинув полог, выходили с довольными, удовлетворёнными лицами, иногда что-то дожёвывая на ходу.

Прямо перед домами, стоявшими на рыночной площади, обычно выстраивались возы с огромными баскунчакскими отборными арбузами, имевшими на корке именные знаки тех, кто их вырастил. Их вес был 15-18 килограммов и более. Любой из них смело можно было брать, не сомневаясь в гарантированной спелости, сочности арбуза, которые имели сахарную, хрустящую начинку, тающую во рту.

Если сравнить базары того времени с сегодняшними, на которые мы ходим, то поражаешься тому, что тогда в селе не было торговцев с юга.

В начале 50-ых годов возы, прибывавшие на базар, легко тянули впряжённые в них верблюды. Эти животные, стоя на базаре, свысока смотрели на окружающий их галдёж людской толпы покупателей и продавцов, снующих вокруг их могучих и жилистых ног.

Осенью обычно перед въездом на рынок и возле ворот продавали всякую живность: баранов, овец, коз, кур, а из-под полы – рыбу.

... В жаркое лето 1968 года в не совсем прекрасное солнечное утро в выходной день перед КПП и селом образовалась весьма красочная солидная куча из помидоров, огурцов, яблок, груш, кабачков, творога, сметаны, картошки, зелени и т.п. Овощно-фруктовая куча была столь живописна, что требовалась кисть художника, чтобы её увековечить. Перед КПП поставили патрулей и те со скандалом, криками и взаимными оскорблениями заставляли всех идущих с базара офицеров и членов их семей сваливать купленные дары в эту кучу. Отдал такую команду тогдашний заместитель начальника полигона Пичугин. Приказание было устным и продиктовано мерами предосторожности, чтобы с продукцией базара не занести в городок холеру. Это было в первый раз, когда возникла угроза распространения холеры в Астраханской области. Скандал длился целых три дня, пока нашим командирам не разъяснили, во-первых, противозаконность такого мероприятия, а, во-вторых, его бессмысленность и бесполезность.

... Капьярский базар постепенно терял свою силу. В городке продовольственное снабжение в магазинах стало достаточно полным и разнообразным. Арбузы, дыни, помидоры обычно стали покупать прямо на бахче. Эта практика стала широкой, когда в шестидесятых годах у многих появились «Жигули» и тяжёлые мотоциклы. Да и в городке, в магазинах военторга овощи и фрукты были дешевле, чем на рынке. Не было проблемы и с молочными продуктами, которые поступали даже из военного совхоза. Мясо и рыба тоже были всегда. Только в семидесятые годы с торговлей продуктами в магазинах военторга стало несколько сложнее. Городок сильно вырос, а главное – было очень много командированных, которые увозили домой мясо и рыбу сумками и чемоданами. А такой «экспорт» не входил в расчёты военторга, который снабжал жителей военного городка.

... В 1986 году я побывал снова в Капустинском Яре на 40-летию полигона. Не без волнения, конечно, обошёл в жаркие дни и военный городок, и село, и берега Ахтубы. Побывал на той площади, рядом с городком, где всегда при нас был базар. Разочарование наступило сразу. День был выходным, нерабочим, а базара не было. Сиротливо стояли ещё с 50-ых годов ободранные прилавки и жалкие навесы над ними, потрескавшееся дерево которых было источено дождями, морозами и ветрами. На базаре – ни души. А ведь было время, когда там всё было по-другому...».

О том, как выглядело село Капустин Яр в 1951 году, вспоминал другой ветеран – полигона ПВО – полковник в отставке М.Л. Бородулин, который вместе с С.Ф. Ниловским прибыл в капустиноярскую степь рейсом самолёта из Москвы в начале июня того же года. В принципе картина та же самая, как говорится, с вариациями:

«Ближе к осени к ряду офицеров стали перебираться жёны и дети. За исключением небольшого количества офицеров, получивших комнаты в жилых домах ГЦП, остальные – снимали комнаты, мазанки или углы в селе Капустин Яр. Тогда это была пыльная деревня без единого деревца со старыми потемневшими деревянными домами и мазанками, окружавшими её центр. В центре стояло несколько кирпичных домов нежилого назначения: “рогатая школа”, магазины (в том числе винный – «Капьярское метро»), клуб, переделанный из церкви, и почта. Имелся жалкий базарчик с палаткой, в которой продавалось “сухой кизлярский виноградный вино”. (В городке был “сухой закон”, и поэтому алкогольная потребность гарнизона удовлетворялась в селе). После дождя в селе, особенно в центре, куда нас на грузовиках иногда привозили с 5-го объекта, образовывалась непролазная грязь...».

Ещё один отрывок из воспоминаний ветерана полигона Ю. П. Толкачёва на спиртоводочную тему, касающуюся сельского базара 50-60 годов:

«В городке – сухой закон, соответственно, в селе приснопамятная «косорыловка» (такой отвратительной водки мне потом никогда пить не доводилось) выпита на годы вперёд. Планы поставок водки в село ведь не учитывали, что раскупать её будет ещё и целый город, пусть и небольшой. В связи с этим вспоминаются парадоксальные вещи. В магазинах в селе пусто. Все полки заставлены только шампанским и крабовыми консервами. Особенно интересно было это вспоминать в последние годы советской власти, когда и то, и другое стало страшным дефицитом. А тогда в Капьяре крабов никто не ел, хоть и стоили они копейки, а не как сейчас. Перед каким-то праздником мы отрядили делегацию в село с задачей добыть спиртное. В магазинах его, естественно, нет. Ребята сидели в кафе, заказывали еду, выпивку (уж не помню, что там было – вино или водка) и потихоньку из-под стола переливали её в принесённые с собой бутылки. Потом я нередко со смехом вспоминал это в Москве, где обычным явлением было обратное: люди приходили в кафе или ресторан и потихоньку из-под стола наливали себе принесённое с собой спиртное, так как в кафе и ресторанах на него были бешеные наценки.

Была и такая любопытная история на эту тему. На рынке в селе появилась деревянная «халабуда» с притягательной вывеской: «Сухой Кизлярский виноградный

вино». Внутри халабуды было много бочек, и хозяин, армянин, наливал из них желающим вино по умеренной цене. Большинство посетителей пили его прямо на месте, стоя у прилавка. Приятно было в жару выпить стакан сухого вина, которое этот армянин как-то умудрялся сохранять прохладным. От посетителей – отбоя не было. Ведь рынок был основой нашей

жизни, и большинство из нас ходило туда (чаще не ходило, а ездило на велосипедах) почти ежедневно. Однажды в этот кабачок зашёл один из наших офицеров, тоже армянин по национальности. Он спросил хозяина по-армянски: «Вино есть?». Казалось бы, странный вопрос. Штабеля бочек, вокруг мужики с наслаждением потягивают из гранёных стаканов прохладное вино. Но армянин-хозяин внимательно посмотрел на вошедшего и так же по-армянски ответил: «Вина нет»...

О сегодняшнем дне рынка судить вам, читатель. Разумеется, многое изменилось. Многие – в лучшую сторону. И снова рынок стал напоминать тот, 50-ых годов, что описан ветераном. С учётом всех сегодняшних реалий жизни 21 века. Большинство горожан традиционно по воскресным дням совершают «культпоходы» сюда и возвращаются домой, неся потяжелевшие сумки и пакеты, полные ведра и корзины, загружают багажники машин...

Вспоминает конец 60-ых годов в своей книге Р.И.Цапкова:

«В 1967 году по распределению я приехала в Капустин Яр работать учителем физики в средней школе №12. О том посёлке, который встретил меня, остались тёплые воспоминания. В поликлинике работали врачи разных специальностей, в больнице были хирургическое, терапевтическое, родильное, инфекционное и другие отделения, лаборатория. В аптеке был большой выбор лекарств.

В продовольственных магазинах продавали продукцию местного молокозавода – всё натуральное, очень вкусное. Из военного городка женщины приезжали в посёлок за маслом и сметаной. В промтоварном, хозяйственном, книжном, мебельном магазинах был большой выбор товаров. Много продавали золотых украшений, цены были доступными.

Очень вкусно готовили в столовой. Обедали там учителя, врачи, командированные, водители, да и домохозяйки часто брали обеды на дом. Стоили они недорого. Хорошего качества хлеб пекли на местном хлебозаводе. Из предприятий ещё были лесничество и промкомбинат, до 1960 года работал рыбозавод. Жители Капустина Яра исправно ходили в баню, в которой были и отдельные номера с ванной, душем».

До **70-ых годов** при активном участии военных строителей немало было сделано по благоустройству посёлка и в первую очередь по строительству водопровода, начатому в 1951 году.

Два энергопоезда, прибывшие в гарнизон при большом дефиците электроэнергии, питали отдельно: один – военные объекты, другой – казармы и большую часть посёлка.

В 1960 году было закончено бетонирование центральной Советской улицы, улиц Октябрьской, Лесной, уложено твёрдое покрытие площади у памятника В.И.Ленину.

В октябре 1982 года завершена работа по укладке железобетонных плит по улице Одесской.

Вот что пишет в книге «Рубежи свои храним» (Рязань, «Приз», 2008г., история, очерки, воспоминания) Ю.С. Личагин, рассказывая о селе **80-ых годов**:

«Село имело свой архитектурный облик, отличающийся тем, что абсолютное большинство жилых индивидуальных домов было построено из деревянных плах отслуживших свой век барж, когда-то бороздивших воды матушки-Волги. От обилия солнца в летнее время деревянные строения приобрели какой-то белесый оттенок, какой не встретишь в средней полосе.

Непременным сооружением в каждом дворе является бассейн, куда стекает вода с крыш домов. В этом засушливом районе редкие дожди запасаются впрок.

... Тот, кто впервые оказывался в этих местах в конце мая – начале июня, мог наблюдать бескрайнее, на десятки километров, половодье. В средней полосе половодье бывает месяца на два раньше, в тех же местах половодье начинается после того, как заполнятся все водохранилища от верхнего течения Волги, и тогда начинается водосброс с Волжской ГЭС. Тогда всё

воздушное пространство заполняется мошкой, от которой на открытом пространстве спасения нет. Местные жители и те, кто не одет в военную форму, спасаются от этой напасти москитными сетками, как у пчеловодов.

В конце апреля – начале мая вся степь в округе превращается в цветущее море дикорастущих тюльпанов. Зрелище это надо видеть. Наступающий летний зной придаёт степи жёлтую окраску, оставляя верблюжью колючку да степную полынь. Запах от этой полыни наполнен неповторимым ароматом. Нет ничего схожего с ядовито-жгучим запахом высокорастущей полыни средней полосы. Особенно тяжело с непривычки переносится полуденная пора. Температура в тени от 30 и выше, плюс температура в кунгах от работающей аппаратуры. Относительный комфорт наступает после захода солнца, когда под бездонным чёрным небом под бесконечную стрекотню цикад можно насладиться закончившимся днём.

Начало осени – изобилие овощей и фруктов, помидоров, перца и прочей вкуснятины. В пределах ста с лишним километров в сторону Астрахани – знаменитые бахчи арбузов и дынь Баскунчака. Поздней осенью по выходным дням в селе и самом городе Знаменске, отделённом от села проходной КПП, – рыбная столица России Астрахань присылает свои дары на базары. Обычно покупают мешками подлещика, краснопёрку, язя, всё это солят, потом развешивают в гаражах, на балконах. И уже подвяленную, да в хорошей компании – нет лучше ощущения кайфа за кружкой пива!»

В 1994 году, побывав в наших краях, корреспондент газеты «Волга» Н. Мироненко опубликовал статью «У бетонной стены» («Волга», 25 июня), в которой, в частности, так описывается представшая журналистским глазам картина посёлка:

«Едешь по центральной улице – и всюду следы разрухи и запустения. Пустые глазницы окон обгоревшего кирпичного здания, где размещался до пожара бывший поссовет. Рядом – развалины большого кирпичного дома. Через дорогу – ещё одно старое здание с облупившейся побелкой. . .». Далее в статье описываются беды поселковой больницы, повествуется о том, что угасла культурная жизнь, что молодёжь коротает свободное время нередко за бутылкой, что посёлок в 10 тысяч населения с каждым годом дряхлеет, молодые уезжают, а остаются одни старики, что это единственный населённый пункт в районе, где пенсионеров почти 80 процентов.

Хотя в конце статьи автор и клянётся, что не ставил целью вбивать клин между армией и народом, но постоянно натыкаешься на такие, например, фразы: «Сегодня город и посёлок – это небо и земля. Семьям военнослужащих созданы условия для комфортной и обеспеченной жизни (помните, господа военные, то время – 1994 год – и те «комфортные условия»? – Прим. автора). Что же касается капустиноярцев, то складывается впечатление, что время для них остановилось. . .»

Или ещё из той же статьи: «Страна переживает тяжёлое время, экономика в кризисе, государственная казна бедна (а в эти же месяцы будущие олигархи продолжают делать свои многомиллиардные состояния – Прим. автора), значит, надо всем затянуть пояса, в том числе и военным. Ан нет, министр обороны и представители ВПК. . . затребовали на этот год дополнительные ассигнования из казны. Можно подумать, страна населена одними военнослужащими, готовится к отражению агрессии». . . (И много из той казны перепало военным в тот год? Может, чуть побольше, чем от козла молока. . . – Прим. автора).

А вот что касается 50-60-ых годов, то нельзя не признать, что жили горожане при заботливом хозяине В.И. Вознюке несравненно лучше, чем сельчане.

Так называемую «рогатую» (начальную) школу в селе, да и в Знаменске знают все. Не совсем ясно, за что она получила своё название – то ли за причудливую крышу с торчащими по углам «рожками», то ли ещё были какие-то причины.

Здание, возведённое в начале XIX века, изначально имело другое предназначение: предполагалось, что в нём будет Сельхозбанк.

Но, как бы то ни было, название «рогатая» пристало к школе всерьёз и надолго. И как же изумились школьные учителя, когда пришло письмо из какого-то спортивного интерната, искавшего новые спортивные таланты и одарённости, на котором был написан адрес: «Школа имени Рогатого»... Между прочим, в этой школе учился 91-ый космонавт России Валерий Токарев.

В конце 2006 года в селе на заброшенном подворье по улице Богдана Хмельницкого сборщики металлолома, разворотив банную печку в надежде извлечь из неё чугунный колосник, обнаружили тайник, в котором находилось более 15 тысяч советских рублей. Примерная стоимость автомашины «Волга» в брежневские времена, а теперь – просто разноцветные фантики. Версия происхождения клада оказалась очень простой и одновременно трагичной. Лет двадцать назад в этом доме жил старик, всю жизнь занимавшийся заготовкой шкурок сусликов. Стоила одна шкурка в те времена двадцать копеек. И вот, ободрав за всю свою жизнь несколько десятков тысяч несчастных зверьков, дед спрятал всё нажитое – и забыл куда... От чего сошёл с ума и вскоре умер, так и не отыскав своего тайника. Соседские бабушки склонны считать это наказанием божьим за «нелюдской» промысел...

Отток в течение десятилетий рабочей силы в город и ежегодное увеличение армии неработающих жителей посёлка – пенсионеров, ветеранов войны и тыла, ветеранов труда и Вооружённых Сил – всё это создало довольно сложную социально – экономическую обстановку в Капустинском Яре. Ко всем проблемам добавились и лихолетья горбачёвско – ельцинских

реформ, постоянные дыры в местном бюджете, невыплаты зарплат и пенсий и многое другое, что принесли с собой перестройка и последовавший за ней слом старой системы государственного управления и начало строительства "россиянского" капитализма с его диким мурлом.

Совхоз «Капустиноярский» оказался на грани банкротства. Диспаритет цен на товары промышленных предприятий, энергоносители и на продукцию сельского хозяйства создал критическую ситуацию с производством и сбытом продукции. Были утрачены прямые связи с промышленными центрами, прекратилось обновление сельскохозяйственной техники, ушли опытные и умелые механизаторы.

В **1992** году на базе совхоза была создана сельскохозяйственная ассоциация «Капустиноярская» с количеством пайщиков в 460 человек. Форма собственности – общедолевая. Каждому работающему был рассчитан имущественный пай и земельный участок или доля, находящаяся в общедолевой собственности.

В **апреле 2002** года на общем собрании пайщиков СХА «Капустиноярская» было принято решение о реорганизации хозяйства путём выделения из неё нового предприятия: открытого акционерного общества «Степное» с частной формой собственности. Уставной капитал составил 5 млн. руб., годовая реализация сельхозпродукции – 3,5 млн. руб., число акционеров-пайщиков – 422 человека, численность работающих – 69 человек.

Через шесть лет, в **апреле 2008** года, ОАО «Степное» было реорганизовано в «Агросоюз Капьярсбыт» – сельскохозяйственный обслуживающий потребительский кооператив с числом пайщиков в 140 человек. Председателем правления остался А.В. Ушаков, бывший директор совхоза «Капустиноярский». Этой организации отошли 300 гектаров орошаемых участков «Степного» с закрытой оросительной сетью и основная материальная база: насосные станции, трактора, зерноуборочные комбайны, полный набор прицепной техники. Собственность – кооперативно-долевая и частная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.